

К.В. Корсаков

УБИЙСТВО ПО МОТИВУ КРОВНОЙ МЕСТИ: ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Предпринята попытка разрешения проблем, возникающих при применении п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, которые появились с момента вступления в силу УК РФ 1996 г. и имеют место до сих пор. Произведен анализ подходов к имеющему важное квалификационное значение виду субъекта убийства по мотиву кровной мести, на основании которого предложен и обоснован единообразный подход к определению субъекта убийства по мотиву кровной мести, способный упорядочить правоприменительную практику.

Ключевые слова: убийство по мотиву кровной мести; обычай кровной мести; п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ; преступления против жизни; субъект преступления; квалификация преступлений.

Известно, что как в советской уголовно-правовой доктрине, так и в российской теории уголовного права на рубеже XX–XXI столетий превалировала точка зрения, согласно которой субъект убийства по мотиву кровной мести является специальным: под ним понималось физическое лицо, принадлежащее к какой-либо группе населения (народу, национальности, народности, этнической либо социальной группе и др.), в которой по каким-либо причинам сохранился и используется обычай кровной мести [1. С. 44; 2. С. 51; 3. С. 44–45]. Данное мнение стало поддерживаться многими известными правоведами и криминологами (Г.Н. Борзенковым, А.Э. Жалинским, Б.В. Здравомысловым, Ю.М. Ткачевским, Г.И. Чечелем и др.) и на современном российском этапе развития отечественной уголовно-правовой мысли [4. С. 204; 5. С. 39; 6. С. 228]. Так, в частности, известный специалист в области квалификации преступлений Н.К. Семернева о субъекте убийства по мотиву кровной мести писала: «виновный в таком убийстве должен принадлежать к той этнической группе населения, которая исповедует обычай кровной мести» [7. С. 255]. С.В. Бородин также подчеркивал, что помимо установления мотива кровной мести как побудительной причины убийства, порожденной соответствующим древним обычаем, органам следствия и суду необходимо установить «принадлежность лица, совершившего убийство, к группе населения, которая придерживается обычая кровной мести» [8. С. 201]. Согласно точке зрения профессора Г.И. Чечеля, субъектом убийства по мотиву кровной мести может быть «только лицо, принадлежащее к той национальности или группе населения, где еще встречается родовой обычай кровной мести. Им может выступать лицо как мужского, так и женского пола» [9. С. 126].

Следует заметить, что высшие судебные органы власти СССР также придерживались этой позиции, о чем свидетельствует целый ряд принятых ими и вступивших в силу решений. В частности, после того, как Ставропольский краевой суд признал гражданина цыганской национальности виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «к» ст. 102 УК РСФСР, по результатам рассмотрения уголовного дела об убийстве девушки-цыганки, родной дядя которой убил отчима подсудимого, Президиум Верховного Суда РСФСР изменил данный приговор и произ-

вел переквалификацию содеянного на ст. 103 УК РСФСР. В решении Президиума Верховного Суда РСФСР подчеркивалось, что для квалификации преступного деяния по п. «к» ст. 102 УК РСФСР необходимо установить, что обвиняемый относится к той общности, которая использует обычай кровной мести, а цыганам, проживающим на территории СССР, согласно представленным экспертным заключениям, обычай кровной мести неизвестен [10. С. 28].

Современная российская судебная практика по-прежнему основывается на этой, уже устоявшейся в отечественном правоприменении, позиции, о чем, например, свидетельствует решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия), не признавшего подсудимого – жителя Якутии и русского по национальности, который обвинялся органами следствия в убийстве по мотиву кровной мести сына человека, по неосторожности лишившего жизни его малолетнего единоутробного брата, субъектом преступного деяния, предусмотренного в п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по тем же самым основаниям [11].

Другим примером может служить уголовное дело, возбужденное по ст. 105 УК РФ в отношении русского по национальности, который родился и вырос в г. Москве. По причине постоянных насмешек он принял решение убить своего обидчика и двух его близких родственников. После реализации данного намерения гражданин был задержан сотрудниками органов внутренних дел. В период предварительного расследования он объяснил свой криминальный поступок желанием прибегнуть к традиции кровной мести, которую назвал жестокой, но честной и справедливой. Несмотря на данные утверждения, суд переквалифицировал его действия с п. «е.1» на п. «а» ст. 105 УК РФ по причине того, что обвиняемый не принадлежал к группе населения, в которой существует и применяется обычай кровной мести [12].

Такой подход разделяется судебными органами многих западноевропейских государств. Так, в судебном заседании по весьма резонансному уголовному делу Виталия Калоева – осетина, осужденного в Швейцарии за убийство диспетчера Петера Нильсена, по вине которого в авиакатастрофе погибли жена, сын и дочь подсудимого, швейцарские судьи специально оговаривали, что мотив кровной мести ими в судебном заседании не рассматривается, так как согласно

заклочениям ряда специалистов она не используется в Северной Осетии – родине В.К. Калоева [13].

Российские эксперты по осетинскому этносу подтвердили этот вывод, указав, что обычай кровной мести среди осетин к началу XX столетия был изжит и с того времени ими не поддерживается, а в период следования ему он не применялся в случаях непреднамеренного лишения жизни (причинения смерти по неосторожности), допускал убийство как самого убийцы, так и кого-либо из его близких родственников по мужской линии, однако предполагал публичное объявление о начале процесса кровомщения и не допускал сокрытие от общественности мотивов и целей данного преследования (сам В.К. Калоев, отвечая на вопросы о причинах своего поступка, никогда не говорил, что действовал по мотиву кровной мести или же мести в целом).

В настоящее время обозначенный выше распространявшийся в судебной и следственной практике подход решительно оспаривается и критикуется некоторыми российскими авторами. Например, Д.Б. Лаптев и Я.В. Танасейчук полагают, что «субъекта рассматриваемого преступления необходимо считать общим» [14. С. 47], а исследователи М.В. Задворнов и А.А. Даурбеков вообще предлагают исключить мотив кровной мести из перечня квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 105 УК РФ и квалифицировать убийство, совершенное по мотиву (на почве) кровной мести, как убийство без квалифицирующих признаков по ч. 1 ст. 105 УК РФ (из обычной (бытовой) мести либо личной неприязни) [15. С. 29]. Ряд современных исследователей в качестве аргумента в пользу аброгации п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК и квалификации соответствующих деяний по ч. 1 ст. 105 УК РФ указывают на небольшой процент распространенности убийств по мотиву кровной мести в России в настоящее время. Соглашаясь с этим фактом, укажем, что незначительное число убийств по мотиву кровной мести в общем массиве убийств связана как с трудностями установления и доказывания этого специфического мотива, так и с высоким уровнем латентности данной разновидности убийства, часто выдаваемого либо маскируемого под убийство с иными мотивами, которое квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ и влечет более мягкое наказание. Также нельзя не отметить, что небольшая доля убийств по мотиву кровной мести не может быть поводом для отмены норм, предусматривающих повышенную уголовную ответственность за таковые: в действующем российском уголовном законодательстве немало статей, которые предусматривают ответственность за преступные деяния, встречающиеся на практике еще реже, однако это не дает оснований для их отмены, так как предпосылкой криминализации последних выступает не их количество, а их общественная опасность.

Точка зрения М.В. Задворнова и А.А. Даурбекова и примкнувших к ним авторов представляется нам некорректной, так как убийство по мотиву кровной мести отличается от «простого» (обычного) убийства, включая убийство из обычной мести, которое квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ, гораздо более высокой степенью общественной опасности. Данная

опасность заключается как в широком круге возможных жертв такого убийства, в который попадает не только первоначальный обидчик, но и его родственники, причем вне зависимости от их причастности и личного отношению к совершенному их сородичем проступку (они могут и не знать о таком либо отрицать такое поведение), так и в не менее широком круге людей, способных осуществить кровную месть, в который попадают кровные родственники жертвы независимо от их мнения о семье виновного, а также от давности конфликта. Кровомщение, нередко ошибочно рассматриваемое в качестве альтернативы уголовному наказанию со стороны государства, как форма «стихийного», «народного» возмездия, обладает высокой социальной опасностью ввиду его внесудебного характера, оно представляет собой не имеющий отношения к праву и юстиции самосуд, от которого могут пострадать ни в чем не повинные люди.

Другая опасность кровной мести состоит в том, что в современных значительно усложнившихся общественно-политических и экономических реалиях на фоне непрекращающейся террористической активности, которая получает поддержку во многих регионах, сохраняющих кланово-племенное деление, этот обычай часто используется в качестве повода, прикрытия либо инструмента для реализации криминальных целей и задач представителями региональных религиозно-радикальных, террористических, экстремистских и сепаратистских движений и бандитских формирований. Кровная месть может распространяться на членов семей и близких участников враждующих организованных преступных группировок, на неугодных террористам и бандитам духовных лидеров и религиозных деятелей, на свидетелей их преступлений и на работников правоохранительных органов и других представителей власти.

Самая же большая опасность кровной мести заключается в том, что она очень часто запускает механизм ответных действий по принципу взаимности (или симметрии, талиона, известного по формуле «око за око, зуб за зуб») и приводит к затяжной межфамильной вражде, межклановому конфликту. По нашему мнению, советским законодательством кровная месть совершенно справедливо рассматривалась как антигосударственный и общественно опасный обычай.

Примером затяжного межкланового конфликта в истории отечественного права является череда убийств по мотиву кровной мести, зафиксированная на территории советской Адыгеи (среди народов адыгской группы – адыгейцев, кабардинцев, черкесов, шапсугов и др. обычай кровной мести исторически получил такое же повсеместное и широкое распространение, как и среди вайнахских, лезгинских и аваро-андо-цезских народов): в одном из селений Адыгейской автономной области РСФСР местному жителю был нанесен тяжкий вред здоровью, который он и его родственники восприняли как серьезную обиду, смываемую только кровью, после чего потерпевшим был убит племянник его обидчика, что явилось причиной его осуждения за убийство на почве кровной мести к лишению свободы на срок в девять лет. После

освобождения из исправительно-трудовой колонии он был почти сразу же убит в порядке кровомщения дядей убитого им племянника – человеком, запустившим механизм кровной вражды, который затем за данное убийство был осужден к лишению свободы на срок в десять лет. После отбытия им срока уголовного наказания и возвращения на родину он, его жена и малолетний сын были убиты по мотиву кровной мести сыном погибшего от его руки человека, также впоследствии осужденным [16. С. 328–329].

В СССР для предотвращения актов кровной мести велась активная работа как по линии общественных объединений – ассоциаций и особых комиссий (специальные примирительные комиссии для разрешения конфликтов между «кровниками» на Кавказе и в Закавказье, которые в своей деятельности использовали старые горские обычаи примирения и традиции коллективных методов разрешения межобщинных распрей), так и судов чести и товарищеских судов, а в текст Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. была помещена ст. 231 «Уклонение от примирения», которая также была призвана противостоять распространению обычая кровной мести. В середине XX в. почти в каждом районе Чечни, Ингушетии и Дагестана успешно функционировали примирительные комиссии, в состав которых, как правило, входили наиболее авторитетные главы родов и родовых союзов (тейпов и тухумов), старейшины (аксакалы), представители местного духовенства (улемы) и руководящие партийные работники, хорошо знавшие местные обыкновения и следовавшие известному марксистскому тезису о возможности ломки одной традиции посредством другой.

«Рикошетное» желание родственников, друзей и близких погибших вследствие преступных посягательств покататься с убийцами, отомстить и отплатить им тем же вполне понятно (как известно, во избежание мести со стороны родственников убитых Р.А. Чикатило специально помещали в крепкую железную клетку). В случаях недосягаемости или же неуязвимости преступника месть может обрушиться на его родственников и близких. Это не превратит такие действия в кровную месть, так как их цель – не соблюдение обычая, а желание причинить боль и страдания виновному и заставить его испытать те же эмоции и чувства, которые испытали родственники жертв (например, когда приговоренный к пожизненному лишению свободы серийный убийца С.Ф. Ткач женился в местах лишения свободы, в адрес его молодой жены и родившегося ребенка от неустановленных лиц начали поступать угрозы жестокой расправой, что побудило ее сменить место жительства).

Случай, при котором убийца преследуется в частном порядке, например, со стороны русского отца, потерявшего свою единственную дочь, коренным образом отличается от случая, когда, к примеру, чеченец специально приезжает из далекой страны в другую, чтобы убить брата или племянника человека, осужденного судом и находящегося в колонии строгого режима за убийство его дальнего родственника, которого этот чеченец даже никогда не видел (такие случаи известны российской следственной практике).

В последнем случае преследователь может и не желать смерти родственникам убийце, но над ним довлеет древний обычай кровной мести, который представляет для него не правомочие, а скорее обязанность, долг и обеспечивается силой общественного мнения и многовековым традиционным укладом. Поэтому убийства по мотиву кровной мести не следует смешивать с убийствами по мотиву обычной мести и переводить их в этот разряд, а также объявлять субъект этого преступления общим, иначе ко вторым случаям в нашей правоприменительной практике будут ошибочно относить первые, никакого отношения к кровной мести не имеющие. Например, приговор Ростовского областного суда от 24 августа 2006 г. (по нему обвинявшийся в организации убийства человека, считавшегося им причастным к убийству его родителей, был осужден по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением ч. 1 ст. 65 УК РФ на 12 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима) впоследствии был обжалован и изменен Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, пере квалифицировавшим действия виновного с п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ [16. С. 256].

Смешение и путаница будут происходить не только ввиду внешней схожести актов частной мести (особенно тогда, когда мстителем лишается жизни непосредственно сам посягатель (обидчик), а не его близкие родственники), но и по причине того, что и без того трудно устанавливаемые и доказуемые мотивы подобных убийств виновные в подавляющем большинстве случаев не раскрывают или же подменяют другими. Так как за убийство по мотиву кровной мести законодателем установлена повышенная уголовная ответственность, стороне защиты всегда будет выгодно настаивать на обычном (бытовом) характере мести, чтобы виновный был осужден по ч. 1, а не по ч. 2 ст. 105 УК РФ.

История уголовно-правовой борьбы с кровной местью – это прежде всего история борьбы с деструктивным архаическим обычаем, который неотделим от мотива рассматриваемого преступления.

Казусы, когда какое-либо физическое лицо, не принадлежащее к определенной социокультурной (этнической, конфессиональной и пр.) среде, последовало бы обычаю кровной мести, признало наличие в своих действиях такого особенного мотива на следствии или в суде и впоследствии было бы осуждено по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, современной российской правоприменительной практике неизвестны.

Такой специфический мотив может сформироваться у человека, который не был воспитан в рамках соответствующих традиций либо не воспринял их вследствие их постижения, закрепления и укоренения в его сознании. Последнее означает факт его погружения в соответствующую социокультурную среду, идеалы и ценности которой он начинает считать своими, и формирование в внутри него, в его психике соответствующей идентичности.

Некоторые авторы, предлагающие считать субъектом убийства по мотиву кровной мести любого, кто признает, что руководствовался данным обычаем в момент совершения убийства, считают, что их науч-

ные оппоненты настаивают на признании субъектом данного преступления против жизни только представителей определенных народов и этнических групп, у которых этот обычай распространен, что не совсем верно. Ввиду того, что обычай кровной мести может передаваться и воспроизводиться на практике не только на национальной (этнической), но и на конфессиональной, социальной и иных основах, круг таких сообществ (групп населения) гораздо более широк: не только этнические общности, но и религиозные (секты, ордена, конгрегации и т.д.) и социальные (касты, варны, сословия и др.) группы. Так, среди многих народов было распространено строгое правило, согласно которому кровную мечь могут осуществить лишь представители высших слоев общества (например, военного сословия кшатриев (раджан) в Индии), а не простолюдины или принадлежащие к социальным низам и изгоям («неприкасаемые» (парии и пр.) в Индии, «эта» (буракумин и пр.) в Японии и др.). Кровную мечь вполне может совершить как русский, оказавшийся в плену у афганских моджахедов, принявший ислам и долгое время проживавший в их среде (в Афганистане обычай кровной мести существует и активно используется и в наше время, в особенности среди пуштунских племен вазиров, афридиев и гильзаев), так и русский, никогда не покидавший пределы России, но ставший убежденным верующим-ваххабитом под влиянием экстремистской религиозной литературы.

Представители ряда ультрарадикальных и экстремистских религиозных толков и течений (салафиты, талибы и пр.) оправдывают и практикуют кровную мечь, ссылаясь и превратно толкуя ряд заповедей из Корана, в частности: аят 178 суры 2: «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный за свободного, раб за раба, женщина за женщину...», аят 179 суры 2: «Возмездие сохраняет вам жизнь, о обладающие разумом! – чтобы вы были осторожающимися» и аят 33 суры 17: «...Если кто-либо был убит несправедливо, то мы его родственнику дали власть над убийцей, но пусть он не излишествует в мщении...» и др.

Некоторыми авторами – сторонниками признания субъекта преступления, предусмотренного в п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, общим – в качестве довода нередко используется то обстоятельство, что какой-либо перечень народов, наций, субэтносов и иных этнических общностей, к которым должен относиться субъект рассматриваемого преступления, нигде не закреплен. Данную аргументацию они дополняют тем, что на территории Российской Федерации в настоящий момент проживает более 190 различных народов. Только Республике Дагестан насчитывается свыше 30 этносов и малых народностей, причем установить, где сохранился обычай кровной мести, весьма непросто: если у проживающих в горных районах цунтинцев он не исчез, то у ногайцев, к примеру, не применяется. Такая же картина наблюдается, например, в Грузии. Здесь обычай кровной мести мог сохраниться у пшавов и хевсуров, но давно уже не известен лечхумцам и рачинцам.

Установление на законодательном уровне официального перечня (списка) излишне, так как кровная мечь была в ходу практически у всех индоевропейских народов (включая восточных славян) и определение момента ее полного исчезновения из социальной практики какой-либо этнической общности представляет собой непростую задачу. Причем как ход общественного развития, так и различные социальные потрясения (кризисы, войны, катастрофы и т.д.) довольно часто приводят этносы к обращению к архаическим общественным нормам, которые давно не применялись, но остались в народной памяти. Примеры тому – начавшийся после крушения СССР процесс национально-религиозного возрождения на Кавказе, который привел не только к росту сепаратистских настроений в ряде его регионов, но и к возрождению на их территории правовых практик (применение адатного права, старых горских обычаев и норм шариата (Чечня, Ингушетия, Дагестан и др.)), включавших кровную мечь и уплату калыма, и гуманитарная катастрофа на Балканском полуострове после распада некогда единого государства – Югославии, и вспыхнувшие вооруженные столкновения между балканскими этносами, среди которых экспертами было зафиксировано возвращение к обычаю кровной мести, в основном у черногорцев, македонцев, албанцев (прежде всего гегов), босняков, горанцев и др. Возрождение этого обычая у части южных славян, живущих на Балканах, было опосредовано не только этническими чистками и крайней жестокостью в период войн за территорию, но и изменением типа объединения в структуре социума в тяжелые времена междоусобиц: нуклеарную семью заменил род (задруга у черногорцев и сербов), которому присущи круговая порука и принципы коллективной ответственности [17. С. 151].

Обратить внимание на то обстоятельство, что в составе русского народа также имеются этнографические и этноконфессиональные группы, которые до сих пор сохраняют клановые (патриархально-родовые) формы объединения и обычай, ритуалы и традиции (филипповцы (липоване), некрасовцы (игнат-казаки), поморы, анадырщики (марковцы), сохранившиеся общины старообрядцев и др.). Заметим, что за последнее время в поле зрения правоохранительных органов неоднократно попадали праворадикальные объединения современных русских людей, исповедующих язычество, практикующих жертвоприношения, радения, обряды экзорцизма и призывающих жить по традициям предков (так называемому копно-праву и т.д.), включая обычай кровомщения.

Определить ту группу населения (национальную, этноконфессиональную, религиозную, социальную и пр.), в которой в настоящее время культивируется обычай кровной мести, могут только отдельные эксперты. Поэтому по всем уголовным делам, связанным с убийствами по мотиву кровной мести, следственными органами должна в обязательном порядке назначаться соответствующая экспертиза для беспристрастного разрешения данного вопроса, который, как мы убеждены, имеет не второстепенное и доказатель-

ственное, а самостоятельное и квалификационное значение.

Таким образом, к уголовной ответственности по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует привлекать физическое лицо, которое отвечает всем признакам специального субъекта данного умышленного преступления.

Во-первых, лицо должно разделять и признавать обычай кровной мести и в момент совершения преступления стремиться соблюсти этот обычай, то есть действовать по сформировавшемуся на его почве мотиву (формулировка «по мотиву кровной мести» предполагает присутствие и мотива, и обычая). В частности, в 2019 г. жюри присяжных заседателей полностью оправдало жителя Республики Дагестан, обвинявшегося в совершении убийства по мотиву кровной мести человека, родственники которого лишили жизни одного из членов его семьи. Несмотря на то обстоятельство, что в ходе судебного разбирательства была установлена и подтверждена принадлежность подсудимого к той этнической общности, в которой сохранился и культивируется обычай кровной мести, его оправдали по причине того, что присяжные заседатели сочли данный специфический мотив по результатам предварительного расследования недоказанным [18].

Во-вторых, лицо должно принадлежать к той группе населения (не обязательно национальной), которая придерживается обычая кровной мести. Такая группа может быть объединена не только на этнической, но и на конфессиональной, социальной, культурно-исторической и других основах. Данное лицо может принадлежать к любой национальности (особенно в свете норм и положений, содержащихся в ч. 1 ст. 26 Конституции Российской Федерации, согласно

которым «каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» и связанном с ними отсутствием графы «национальность» в российских паспортах). Подход, признающий субъекта убийства по мотиву кровной мести специальным, а не общим, как предлагают некоторые современные ученые, следует признать в российской уголовно-правовой доктрине правильным и обоснованным.

Помимо сверки и упорядочения доктринальных представлений и взглядов, для преодоления текущих проблем и трудностей, возникающих у правоприменителей при квалификации преступного деяния по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, предлагаем текст Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1999 г. № 1 дополнить новым пунктом 9.1 следующего содержания: «при квалификации убийства по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо учитывать, что субъект данного преступления является специальным: он должен принадлежать к той группе населения, которая придерживается обычая кровной мести, а также разделять данный обычай и в момент совершения им убийства действовать по сформировавшемуся на почве данного обычая мотиву – мотиву кровной мести». Также в целях унификации российской правоприменительной практики, а равно совершенствования действующего законодательства нами предлагается в ст. 105 УК РФ ввести примечание следующего содержания: «Под кровной местью в настоящей статье понимается обычай, согласно которому лицо, совершившее убийство, или кто-либо из его родственников должен быть убит кем-либо из родственников убитого».

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенков Г.Н., Дурманов Н.Д., Красиков Ю.А., Кригер Г.А. и др. Советское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова и Ю.М. Ткачевского. М. : Изд-во МГУ, 1982. 472 с.
2. Васильев Н.В., Гельфер М.А., Гришаев П.И., Здравомыслов Б.В. и др. Советское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. М. : Юридическая литература, 1988. 608 с.
3. Барамиа А.И. Борьба с преступлениями против жизни и здоровья, совершаемыми на почве кровной мести (по материалам Грузинской ССР) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. 249 с.
4. Жалинский А.Э., Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Уголовное право России. М. : Норма, 2005. 930 с.
5. Батычко В.Т. Уголовное право. Особенная часть. Таганрог : ИТА ЮФУ, 2010. 942 с.
6. Коробеев А.И., Есаков Г.А., Грачева Ю.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М. : Проспект, 2014. 640 с.
7. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) : научно-практическое пособие. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2008. 296 с.
8. Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 467 с.
9. Чечель Г.И. Убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести: вопросы квалификации и индивидуализации наказания. Ставрополь : Сервисшкола, 2005. 139 с.
10. Диасамидзе Г.И. Характеристика ответственности за убийство на почве кровной мести по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 167 с.
11. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 9 октября 2010 года по делу № 1-28/2010.
12. Приговор Бабушкинского районного суда города Москвы от 15 августа 2006 года по делу № 3-39/2006.
13. Преступник должен подвергнуться тюремному заключению на восемь лет. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/justiz/erstochener-fluglotse-taeter-muss-acht-jahre-in-haft-a-381794.html> (дата обращения: 19.10.2020).
14. Лаптев Д.Б., Танасейчук Я.В. К вопросу о субъекте убийства по мотиву кровной мести // Уголовное право. 2017. № 3. С. 44–47.
15. Задворнов М.В., Даурбеков А.А. Кровная месть как мотив убийства // Российский судья. 2011. № 6. С. 26–28.
16. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1964–1972 гг. М. : Юридическая литература, 1974. 648 с.
17. Корсаков К.В. Религиозный подход к преступлению и наказанию: от принципа талиона и кровной мести к доктрине покаяния // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 147–159.
18. Приговор Верховного суда Республики Дагестан от 15 апреля 2019 года по делу № 2-1/2019.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2020 г.

Murder Motivated by Blood Feud: Features of the Subject of the Crime

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 253–258.

DOI: 10.17223/15617793/468/29

Konstantin V. Korsakov, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Keywords: murder motivated by blood feud; custom of blood feud; Item e.1 of Part 2 of Article 105 of RF Criminal Code; crimes against life; subject of crime; qualification of crimes.

This article focuses on the resolution of issues and difficulties legal professionals encounter when qualifying criminal acts under Item e.1 of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation (Item e.1). The issues and difficulties appeared when the 1996 Criminal Code entered into force and still exist. They are associated with the absence of a legal definition of blood feud in the text of the Criminal Code and other federal statutes, and also with the fact that Decision No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, On Judicial Practice in Murder Cases, of 27 January 1999, both in the previous and in the current versions, does not contain any comments and clarifications on the characteristics of Item e.1. The greatest difficulties in investigative and judicial practice appear when determining the subject of the given crime. For a long time, the question of what kind of subject of the crime – general or special – is the subject of the crime envisaged in Item e.1 (formerly Item k of Article 102 of the Criminal Code of the RSFSR) continues to be controversial and open in the Russian criminal law theory. The author of the article has made a comprehensive critical analysis of the points of view, opinions, and approaches available in the criminal law doctrine regarding the definition of the type of subject in Item e.1 – murder motivated by blood feud; this has an important qualification value and directly affects the legal assessment of the criminal act provided for in this item. The article presents and examines the doctrinal provisions, court decisions, and norms of criminal law in terms of determining the type of subject of murder motivated by blood feud. The author proposed, explained, and scientifically substantiated a uniform approach to the definition of the subject in Item e.1; this approach can order the Russian law enforcement practice and resolve all the problems. The author also formulated conclusions supported by arguments and reasons. The conclusions confirm the correctness of the scientific and legal approach, according to which the subject of the crime envisaged in Item e.1 is special and should belong to a group of population which cultivates the custom of blood feud.

REFERENCES

1. Borzenkov, G.N. et al. (1982) *Sovetskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Soviet Criminal Law. Special part]. Moscow: Moscow State University.
2. Vasil'ev N.V. et al. (1988) *Sovetskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Soviet Criminal Law. Special part]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
3. Baramiya, A.I. (1965) *Bor'ba s prestupleniyami protiv zhizni i zdorov'ya, sovershaemymi na pochve krovnoy mesti (po materialam Gruzinskoy SSR)* [Combating crimes against life and health committed on the basis of blood feud (based on materials from the Georgian SSR)]. Law Cand. Diss. Moscow.
4. Zhalinskiy, A.E., Ignatov, A.N. & Krasikov, Yu.A. (2005) *Ugolovnoe pravo Rossii* [Criminal Law of Russia]. Moscow: Norma.
5. Batycho, V.T. (2010) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal Law. Special part.]. Taganrog: Engineering and Technological Academy of Yufu Taganrog Institute.
6. Korobeev, A.I., Esakov, G.A. & Gracheva, Yu.V. (2014) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt.
7. Semerneva, N.K. (2008) *Kvalifikatsiya prestupleniy (chasti Obshchaya i Osobennaya)* [Qualification of Crimes (General and Special Parts)]. Yekaterinburg: Ural State Law University.
8. Borodin, S.V. (2003) *Prestupleniya protiv zhizni* [Crimes against Life]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
9. Chechel', G.I. (2005) *Ubiystvo po motivu natsional'noy, rasovoy, religioznoy nenavisti ili vrazhdy libo krovnoy mesti: voprosy kvalifikatsii i individualizatsii nakazaniya* [Murder Motivated by National, Racial, Religious Hatred or Enmity or Blood Feud: Issues of qualification and individualization of punishment]. Stavropol: Servisshkola.
10. Diasamidze, G.I. (1974) *Kharakteristika otvetstvennosti za ubiystvo na pochve krovnoy mesti po sovetkomu ugolovnomu pravu* [Characteristics of responsibility for murder motivated by blood feud in the Soviet criminal law]. Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
11. Yakutsk City Court of the Republic of Sakha (Yakutia). (2010) *Prigovor Yakutskogo gorodskogo suda Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 9 oktyabrya 2010 goda po delu № 1-28/2010* [Verdict of the Yakutsk City Court of the Republic of Sakha (Yakutia) in case No. 1-28/2010 of 9 October 2010].
12. Babushkinsky District Court of Moscow. (2006) *Prigovor Babushkinskogo rayonnogo suda goroda Moskvy ot 15 avgusta 2006 goda po delu № 3-39/2006* [Verdict of the Babushkinsky District Court of Moscow in case No. 3-39/2006 of 15 August 2006].
13. Der Spiegel. (2005) *Täter muss acht Jahre in Haft*. [Online]. Available from: <https://www.spiegel.de/panorama/justiz/erstochener-fluglotse-taeter-muss-acht-jahre-in-haft-a-381794.html>. (Accessed: 19.10.2020).
14. Laptev, D.B. & Tanaseychuk, Ya.V. (2017) On the issue of a subject of a cold blood murder. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 44–47. (In Russian).
15. Zadvornov, M.V. & Daurbekov, A.A. (2011) *Krovnaya mest' kak motiv ubiystva* [Blood feud as a motive for the murder]. *Rossiyskiy sud'ya*. 6. pp. 26–28.
16. Verkhovnyy Sud RSFSR [Supreme Court of the RSFSR]. (1974) *Sbornik postanovleniy Prezidiuma i opredeleniy Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RSFSR 1964–1972 gg* [Collection of Resolutions of the Presidium and Rulings of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the RSFSR of 1964–1972]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
17. Korsakov, K.V. (2015) Religious approach towards crime and punishment: from principle of talion and blood feud to doctrine of repentance. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 3 (15). pp. 147–159. (In Russian).
18. Supreme Court of the Republic of Dagestan. (2019) *Prigovor Verkhovnogo suda Respubliki Dagestan ot 15 aprelya 2019 goda po delu № 2-1/2019* [Verdict of the Supreme Court of the Republic of Dagestan in case No. 2-1/2019 of 15 April 2019].

Received: 17 May 2020